

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, Гергокова Лейла Созакбайовна  
**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ**

Цель предлагаемой работы заключается в выявлении механизмов употребления чисел в фольклоре и литературе балкарцев. Для нас важно, главным образом, исследование чисел как символов, наделенных метафизическим смыслом и приобретающих магическую функцию. Возросший интерес к изучению этно-культурной символики и числовой модели мира в фольклоре того или иного народа актуализирует появление в литературоведении и фольклористике исследований подобного рода.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/5.html](http://www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/5.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2015/8-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 398.2+821.3

**Филологические науки**

*Цель предлагаемой работы заключается в выявлении механизмов употребления чисел в фольклоре и литературе балкарцев. Для нас важно, главным образом, исследование чисел как символов, наделенных метафизическим смыслом и приобретающих магическую функцию. Возросший интерес к изучению этно-культурной символики и числовой модели мира в фольклоре того или иного народа актуализирует появление в литературоведении и фольклористике исследований подобного рода.*

*Ключевые слова и фразы:* фольклорный текст; числовой код; символика чисел; мифология; художественный образ; теософия; магическая теория чисел; космогонизм; сакральное значение.

**Болатова (Атабиева) Асият Даутовна**, к. филол. н.

**Гергокова Лейла Созакбайовна**, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований  
leylagergokova79@mail.ru*

### **ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ<sup>©</sup>**

Рассмотрение национальной литературы и фольклора в общем культурологическом контексте с точки зрения специфики употребления в них числовой символики актуализирует содержание данного исследования, поскольку в национальном литературоведении число работ, касающихся освещения некоторых аспектов вопроса сведено к минимуму. Целью настоящей работы является поэтапное выявление архетипических символов, зафиксированных в национальном сознании, а также сопоставительный анализ механизмов их употребления в карачаево-балкарском фольклоре и литературе.

Символизм древних культур знает о магической силе определенных цифр. В западной культуре и теософии известны символические значения чисел три, семь и девять. В восточной культуре, развивавшейся под влиянием мусульманства, характерно внимание к числу восемь, которое представляет собой символ бесконечности жизни. В мифологии подобную магическую функцию выполняет число четыре. Русская классическая литература неразрывно связана с мифом и теософскими воззрениями. Подтверждением тому служат содержание и философская основа произведений Ф. Достоевского, А. Чехова, М. Булгакова.

Фольклорные тексты, как и образцы художественной литературы, имеющие в своей основе символические элементы, содержат определенную закодированную информацию, предполагающую не прямое прочтение текста, а расшифровку различных семантических смыслов, заложенных в нем.

Поэтому фольклор можно назвать кладью символов – многозначных образов, призванных дать космогоническую модель мира при помощи неких ассоциативных рядов, которые выявляют глубинную связь с мифологией. Каждый символ наделен особой смысловой нагрузкой, это – прежде всего, намек. Нередко символические значения одного и того же художественного образа различны в литературе и фольклоре. Народная символика основывалась на многовековом опыте и наблюдениях человека за природой. Символы в фольклоре явились результатом субкультуры, поэтому опосредованно влияли на сознание людей, отражая специфику национального мышления.

Числа три, семь, девять играют существенную роль в поэтике национальной сказки и эпических сказаниях Нартиады. Они многофункциональны. Семантика фольклорного символа нередко противоречива и подразумевает несколько производных от единого образа, обрастая множеством значений и возможных интерпретаций.

Для поэтики фольклорной традиции характерно употребление табуированных символов, где значения определенных цифр «являются результатом работы коллективного бессознательного», впоследствии переходя в статус архетипа. В наиболее древних мифопоэтических традициях числам, как и буквам, придавалось сакральное значение: они рассматривались в качестве божественных символов Вселенной. Тот факт, что символы легли в основу представлений о мироздании, не мог не отразиться в языке и культуре. Числа – символ гармонии и порядка в противовес хаосу [14]. Исходя из данного умозаключения становится очевидным, что каждой мифологии свойственна своя числовая модель мироздания.

Винсент Фостер Хоппер в предисловии к своей книге «Числовая символика средневековья. Тайный смысл и форма выражения» отмечает, что «посредством числового символизма абстрактное становится конкретным, а попадая в семантическое поле, распознается и приобретает значение» [15]. Благодаря такому механизму художественный образ передает некую идею, облекая ее в удобоваримую форму. Человек во все времена стремился объяснить для себя и осмыслить свои наблюдения за природными явлениями. В процессе эволюционирования человеческого сознания и в ходе накопления им определенных научных знаний, космогонических и теологических представлений о мире, человечество, так или иначе, прибегало к числовой символике. Яркое свидетельство тому – астрология, в основе которой лежит наука нумерология. В свое время теме символической роли чисел придавали огромное значение гностики, пифагорейцы и служители

христианской церкви. По Хопперу физический мир в средние века делился на триады. Легенды, мифы, фольклор народов мира изобилуют примерами употребления числа три: воскрешение Иисуса Христа через три дня, трехкратное повторение чего-либо, крест в качестве символа веры, обожествление святой Троицы и т.д. Не менее значимыми в культурах древних народов являлись числа 4, 7, 8, 9, 12. В качестве иллюстрации приведем культ четырех в Египте и в Японии, четыре направления частей света, четыре фазы луны, четыре стихии. Считалось, что число 9 обладает магическими свойствами, символизируя девять кругов ада, с другой стороны – это перевернутая шестерка, олицетворяющая падшего ангела Сатану. Семь же является божественным символом: древо жизни с семью ветвями, семь добродетелей, семь дней недели и т.д., символическое значение числа 12 также базируется на теологических воззрениях и берет начало со времен античной мифологии (12 подвигов Геракла, 12 племен Израиля, 12 апостолов). Указанное число обнаруживается и в астрологии, обозначая количество знаков зодиака, 12 месяцев в году.

Числовая символика свойственна раннему этапу развития человечества. Люди издревле уделяли особое внимание некоторым символам, веруя в то, что числа, как символы, имеют скрытый смысл, который они толковали по-разному, но с важным для себя значением. В каждой традиционной культуре можно найти одни числа, которые периодически повторяются и являются более значимыми, чем другие. Ибо числа кроме счетной функции обладают еще и дополнительным символическим смыслом. Поэтому народ свои верования в числа и их значимость передавал из поколения в поколения через фольклор, который более всего насыщен подобными символами.

Следовательно, магическая теория чисел известна с незапамятных времен и имеет место во всех цивилизациях, когда-либо существовавших на земле. Благодаря этому, человеку удалось постепенно систематизировать полный спектр знаний и наблюдений об окружающем мире. На этой благодатной почве возвращены известные нам культуры, религии и науки.

Справедливо и мнение Г. Ц. Пюрбеева о том, что красоту и гармонию мира, а тем более героико-эпического, невозможно представить и описать без его пространственно временного измерения и количественной оценки. Поэтому-то столь органически и естественно входит в поэтику эпоса категория числа, которая в своих разнообразных проявлениях существенно обогащает арсенал выразительных средств. В эпическом тексте все информационно значимо и счет всему идет очень тщательный [10].

В карачаево-балкарском фольклоре числа представляют собой мифопоэтические символы, вбирающие в себя определенную духовную информацию. Они в фольклорной картине мира имеют непосредственное отношение к концептуальному образу действительности. В эпическом тексте, представляющем собой архаическое явление, достаточно четко обнаруживаются мифопоэтические основы числа, счета и числовых моделей. Числам при этом придается сакральное значение. Тем самым они становятся определенными образами мира, соответственно, и средствами для его периодического восстановления в циклической схеме развития с целью преодоления хаотических [5].

К основным сакральным числам в фольклорных произведениях относятся числа до десяти, а к числам, связанным с древними мифологическими представлениями, можно отнести 3, 7, 9.

Число «один», как правило, обозначает начало, что-то единственное или нечто очень малое, но в то же время очень существенное. Оно символизирует бытие и раскрытие человеку душевной сути, приравниваемой к высшей силе. Это число является символом единства для всех живых существ. Его характерными чертами являются сила, энергия, воля, активность, инициатива.

Число «один» используется со словами-нумеративами и обозначает сильнейшее действие, концентрацию сил в одном куске, капле и т.д., имеющих решающее значение в жизни человека [8]. Это значение числа «один» часто встречается в карачаево-балкарских сказках. Когда, благодаря одной волосинке, сорванной со спины оленя, одной чешуйке с плавника рыбы или одному клочку шерсти лисы, решается судьба сказочного героя. Примерами, где числительное «один» обозначается существительным «единственный» служат сказочные тексты про Хана и его единственную дочь. В героическом эпосе «Нарты» герои в одиночку побеждают огромное число врагов-великанов; один из главных героев эпоса Алауган имеет единственного сына и т.д.

Число «два», напротив, часто символизирует парность, четность, удвоение, в основе которых лежат бинарные противопоставления, раскрывающие мифопоэтические стороны рассматриваемого общества. Число эки «два» используется при противопоставлении двух начал, оно членит мир на две противоположности при описании мира в бинарных оппозициях: правое / левое, верх / низ, жизнь / смерть, добро / зло. «Два» символизирует союз мужского и женского начал, парность, которая соответствует идее творения. В карачаево-балкарском эпосе дуальная система представлена довольно широко [5]. Она олицетворяет в себе нечто временное, непостоянное, членимое. Указанное число используется в противопоставлении двух начал или двух миров, ни в чем между собой не сходных, в основе которых лежит бинарная оппозиция: противопоставление добра и зла, лжи и правды, жизни и смерти и т.д. Такую систему противопоставления можно распознать в сказочных текстах: «В одном селе жили два родных брата: один был бедный, другой богатый» [2]; «В одном селе жили-были два брата, один был скупой, а второй щедрый» [3] и т.д.

Число «три» лежит в основе большинства традиционных фольклорных сюжетов, и представляет главным образом положительные качества, величавость, удача. По всей видимости, это число следует связать с тремя сферами Вселенной. Так, в карачаево-балкарском нартском эпосе небесный мир населен небожителями (имеются в виду Тенгри и враг нартов рыжебородый красный Фук), тогда как земной мир населен непосредственно нартами и их окружением. Кроме того, имеются некоторые данные относительно подземного мира –

обиталища темных и злых сил. Здесь налицо вертикальное освоение пространства, характерное для многих культур [5]. М. Ч. Джуртубаев также выделяет в карачаево-балкарском эпосе трехслойное пространство и три эпохи окруженные вечностью [6]. Число три практически во всех религиозных традициях имеет особое, священное значение, ассоциируется обычно с жизнью, явлением абсолюта в акте творения [7].

Эпическая триада символизирует исполнение действий, повторяясь троекратно, но при этом, не теряя последовательность. Она символизирует собой неделимость. Этим объясняется факт частотности его употребления в национальном фольклоре. Иллюстрацией нашим выводам может служить сказочный эпос, начинающийся со слов: «Жил-был мужик, у него три сына» и т.д. Многие сказочные герои, как правило, преодолевают сначала три испытания, прежде чем достигают заветной цели. Троекратный повтор действия в решающих обстоятельствах является довольно частым явлением в фольклорных текстах. Так, в сказке «*Богач и бедняк*» [2], герои останавливаются только на третьем табунах коней, а в сказке «*Старик и медведь*» [1] трое встречных решают судьбу главных героев.

Традиционный трехкратный повтор убыстряет развитие сюжетного события, мир приключений перед взором слушателей превращается в поле ожесточенного, беспощадного боя. Трехкратный повтор действия является продуктом трихотомической структуры модели мира, составляющего основу «святости» числа «три». Трехразовое повторение действия или заклинания в качестве священного элемента начинает утверждаться в структуре обрядов. В результате расширения функционально-семантического применения магического повтора образовались поэтические фигуры, формирующие композицию сказки.

Интересна также символика числа «четыре», оно отражает мифологические представления, связанные с количественно-пространственным и количественно-временным исследованиями мира и вселенной. По мнению многих исследователей, это число символизирует четыре стороны света, четыре угла и является образом статистической целостности. В доказательство высказанным умозаключениям приведем примеры из карачаево-балкарского фольклора: четыре Тейри (Кёк Тейриси, Жер Тейриси, Суу Тейриси, Кюн Тейриси); четыре рода нартов (Аликлары, Схуртуклады, Боралары, Индилары); четыре стороны света (дунианы тёрт кесеги) и т.д. [9].

В представлениях многих этносов числительное «семь» несет огромное сакральное значение. Это число является мифопоэтической символикой: в названии звезд и созвездий присутствует цифра семь: семь богов («Долан бурхн») – что означает семь звезд Большой Медведицы, или семь старцев [11].

У карачаевцев и балкарцев оно также обладает магической силой и является символом божественности, что подтверждается в фольклорных произведениях. Мистическое сакральное значение числа «семь» в карачаево-балкарском эпосе обозначает всегда положительные моменты жизни героев: семь слоев земли и неба, семиголовый великан, пиры у нартов длились семь дней, бои длятся не менее семи дней, быстрый рост и сила у них появляется к семи годам, или же в сказке «Удивительный жеребенок» [4] у старика семь сыновей, и именно седьмой является лучшим, и т.д.

Числа неизменно связаны с космогоническими представлениями людей. Их семантика фиксировалась в духовной культуре, в верованиях, обычаях и обрядах, а также в устном народном творчестве различных наций. Примеры символизации чисел обнаруживаются в мифологии всех народов. Комплекс космогонических представлений балкарцев не является исключением, базируясь на своеобразной числовой символике. Адекватное отражение собственной модели мира в эпических сказаниях закономерно имеет мифологическую основу. Подтверждения этому мы находим в осетинском Нартском эпосе. Следует отдельно выделить символический мотив близнецов. М. С. Дзедаева в статье «Символика как одна из репрезентаций концепта “число” в осетинской фольклорной картине мира» пишет следующее: «Мир по представлениям осетин <...> делится по вертикали на три части» [7]. Традиционен также «культ семи богов». Исследователем отмечается, что в мифологии осетин употребительно выражение «за семью горами», а одними из типичных для национального фольклора эпических персонажей являются семиголовые чудища великаны. Символический смысл заложен и в числе 12. Кроме того для мифологии народов Кавказа характерны элементы дуализма.

В общелитературном контексте балкарской эпической прозы следует выделить творчество Алима Теппеева, чью авторскую манеру письма отличает внимание к символическим деталям, частое обращение к мифологии и к числовой символике. В качестве иллюстрации можно обратиться к композиционной структуре повести «Дорога в девять дней» [12]. Уже в самом названии произведения содержится акцентная установка автора. В соответствии с мифологическими представлениями народа числа *три* и *девять* получают магическое наполнение, да и сама сюжетная канва повести выстроена в символическом ключе. Содержание произведения составляют взаимоотношения трех персонажей, показанные в хронологическом отрезке девятидневного пути. На первый план выдвигается нравственно-этическая проблематика, а художественный конфликт повести выстраивается на личностных противоречиях героев в определении нравственного выбора. В сопряжении с числами *три* и *девять* на примере судеб главных действующих лиц произведения явно проявляется их роковое символическое значение. Так, на третий день пути происходит убийство, на шестые сутки – насилие над Сакинат, на девятый день она и сама погибает, не в силах смириться с ужасающей правдой о том, что убийцей ее брата оказался любимый человек.

Магическая символика чисел обнаруживается и в более зрелом произведении указанного автора в романе «Мост Сират». Произведение вместило в себя трагические события истории периода депортации балкарского народа. В ходе повествования в сознании читателя с определенной периодичностью фиксируются числовые символы: восемь сыновей старика Бияслана; эшелон со спецпереселенцами под номером 13; тринадцать мужчин, собравшихся на «ныгыш» и обсуждающих происходящие события по аналогии с библейским

мотивом о Тайной вечере. В тексте романа употребительны и мифологемы. «Любые действия героев приобретают ритуальный характер. Хамзат, седьмого марта ведущий внука в Тагылы-Кол – Родниковую долину, в надежде, что память о ней поможет Музафару вынести тяготы и лишения жизни на чужбине и вернуться на родину; веранда, доделанная им в ночь перед выселением; полуторавековой Атто, сшивающий ослиный подседельник, как когда-то гороподобная эмегенша сшивала трещины на лике планеты; падающая через пропасть Сират Могучая Сосна и Кушжетеров Хамзат, успевший таки проложить мост через адское пламя – все это символично-ритуальные комплексы, знаменующие гибель миров, и в то же время призванные возродить их <...> когда-нибудь» [13, с. 192]. Подчиняясь своеобразному мифопоэтическому мышлению писателя, они выполняют определенную художественную функцию и несут вполне понятную для читателя нравственно-этическую нагрузку.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к закономерному выводу о том, что числовая символика в магических представлениях различных народов получает некие устойчивые значения, однако, каждому народу присуще стремление наделять определенный символ индивидуальным смыслом. Таким образом, тот или иной числовой символ в карачаево-балкарском фольклоре и литературе постепенно обрастает новым содержанием, о чем свидетельствует фактологический материал, привлеченный в качестве предмета анализа.

Анализ существующего текстологического материала фольклорных и художественных произведений дает основание констатировать общность этнокультурной символики всех народов мира. Однако существенная разница обнаруживается именно в принципах реализации и в смысловых вариантах употребления общеизвестных архетипических символов числа в той или иной этнокультурной среде. Выявлению таких отличительных черт способствует сопоставительный анализ разнородных текстовых примеров, проводимый в настоящей работе. Результаты нашего исследования свидетельствуют о выраженной специфичности восприятия балкарцами числовой символики.

#### *Список литературы*

1. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований** (Архив КБИГИ). Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Сказки о животных. Папка 10. Паспорт 5.
2. **Архив КБИГИ**. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Сказки о животных. Папка 10. Паспорт 8.
3. **Архив КБИГИ**. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Сказки о животных. Папка 10. Паспорт 17.
4. **Архив КБИГИ**. Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Сказки о животных. Папка 10. Паспорт 19.
5. **Ахматова М. А.** Символика числа в карачаево-балкарском эпическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 67. № 20. С. 23-26.
6. **Джуртубаев М. Ч.** Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик, 2011. 485 с.
7. **Дздаева М. С.** Символика как одна из репрезентаций концепта «число» в осетинской фольклорной картине мира [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. Вып. декабрь. Филологические науки. URL: <http://research-journal.org/languages/simvolika-kak-odna-iz-reprezentacij-koncepta-chislo-v-osetinskoj-folklornoj-kartine-mira/> (дата обращения: 23.04.2015).
8. **Муратова Р. Т.** Символика чисел в башкирском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 24 с.
9. **Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев** / ред. А. А. Янгаева. М., 1994. 665 с.
10. **Пюрбеев Г. Ц.** Эпос «Джангар» культура и язык. Элиста, 1993. 128 с.
11. **Пюрбеева Н. Б.** Поэтика героического эпоса «Джангар». Элиста, 2003. 239 с.
12. **Тепееев А. М.** Дорога в девять дней // Тепееев А. М. Яблоки до весны. М., 1983. С. 202-260.
13. **Толгуров Т. З.** Восхождение к мосту Сират // Литературная Кабардино-Балкария. 1997. № 3.
14. **Топоров В. Н.** Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 629-631.
15. **Хоппер В. Ф.** Числовая символика средневековья. Тайный смысл и форма выражения [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ModernLib.Ru. URL: [http://modernlib.ru/books/vinsent\\_foster\\_hopper/chislovaya\\_simvolika\\_srednevekovyja\\_tayniy\\_smisl\\_i\\_forma\\_virazheniya/read/](http://modernlib.ru/books/vinsent_foster_hopper/chislovaya_simvolika_srednevekovyja_tayniy_smisl_i_forma_virazheniya/read/) (дата обращения: 27.04.2015).

#### **THE INTERPRETATION OF NUMBER SYMBOLISM IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE AND LITERATURE**

**Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna**, Ph. D. in Philology

**Gergokova Leila Sozakbaiovna**, Ph. D. in Philology

*The Kabardian-Balkarian Institute of the Humanities Researches  
leylagergokova79@mail.ru*

The purpose of the work is to identify the mechanisms of the numbers use in the folklore and literature of the Balkars. The authors focus on the research of numbers as symbols which are endowed with metaphysical meaning and acquire the magical function. The increased interest in the study of the ethno-cultural symbolism and numerical model of the world in the folklore of different peoples actualizes the appearance of such research in literary criticism and folkloristics.

*Key words and phrases:* folklore text; numerical code; number symbolism; mythology; artistic image; theosophy; magic theory of numbers; cosmogony; sacral meaning.